

То рукописное собрание стихов, словно тщательно отшлифованная тяжелая звезда, упало в озеро души Гу Чуюй, пуская по воде круги, которые никак не могли утихнуть.

Она почти физически ощущала скрытые между строк безмолвные, но бурные чувства, отчего все её прежние выходки, продиктованные упрямством, казались теперь детскими и нелепыми. Имя Лин Яо вместе с тем нелепым контрактом окончательно потеряло для неё вес, став чем-то размытым и неважным.

Все её мысли были заняты лишь Цзин Мяои.

Той самой женщиной, которая, находясь за океаном, крепко сплела её невидимой сетью и после каждой её ошибки молча протягивала уникальную конфету.

Именно в этом тревожном ожидании она получила известие: Цзин Мяои возвращается.

Крупная сделка по поглощению за границей была наконец завершена, и она вот-вот должна была вернуться на родину.

Эта новость заставила сердце Гу Чуюй неконтролируемо ускориться.

Что это? Предвкушение? Волнение? Или, может, страх, подобный тому, что испытываешь при возвращении в родные края?

Она не знала.

Она лишь чувствовала, как из виллы мгновенно исчезла та расслабленная атмосфера, что царил здесь из-за долгого отсутствия хозяйки.

Прислуга стала ещё почтительнее, шаги — тише, даже воздух будто вновь стал плотным и холодным, пропитанным безмолвной торжественностью ожидания королевы.

Дядя Чэнь лично руководил дотошной до крайности уборкой, особенно в кабинете и главной спальне, где Цзин Мяои проводила больше всего времени.

Гу Чуюй, словно маленькое животное, предчувствующее бурю, беспокойно и с необъяснимым волнением бродила по вилле.

Ей хотелось что-то сделать, чтобы встретить Цзин Мяои или, скорее, чтобы усмирить собственное мятежное сердце.

В конце концов, её ноги сами принесли её к дверям кабинета на втором этаже.

Этот кабинет хранил слишком много воспоминаний: уничтоженные старые картины, нарисованное звездное небо и бесчисленные моменты, когда она пробиралась сюда в поисках внимания или в ожидании наказания за содеянное.

Дверь была не заперта.

Она тихонько толкнула её, и навстречу ей пахнуло привычным ароматом — смесью холодного книжного духа и легкого запаха чернил, только на этот раз в нём чувствовалась нотка долгого запустения.

В кабинете было чисто до блеска, все вещи лежали на своих местах, словно никто и не уходил.

Рисунок звездного неба по-прежнему висел на прежнем месте, мерцая в лучах солнца, пробивающихся сквозь переплеты окон, — тихо и таинственно.

Цзин Мяои ещё не вернулась.

На душе у Гу Чуюй стало пусто.

Она подошла к рабочему столу, пальцы бессознательно скользнули по гладкой поверхности, а взгляд бесцельно блуждал по сторонам.

Вдруг её внимание привлек неприметный ящик с латунной ручкой сбоку стола.

Раньше она, кажется, никогда его не замечала, или, если и видела, то не возникало желания открыть.

Он выглядел слишком обычным, выбиваясь из общего стиля кабинета, подчеркивающего вкус и власть хозяйки.

Необъяснимый импульс заставил её протянуть руку.

Когда кончики пальцев коснулись холодной латуни, она на мгновение заколебалась.

Сестра Мяои не любит, когда трогают её вещи, особенно в кабинете.

Но...

Ящик словно обладал магической силой, искушая её.

Всего один взгляд, только посмотреть, что внутри.

Она слегка потянула.

Ящик не был заперт и плавно поддался.

То, что она увидела внутри, заставило её мгновенно замереть.

Никаких документов, никакой дорогой канцелярии, ничего, что было бы связано с бизнесом.

Дно ящика было выстлано мягкой черной бархатной тканью.

А на ней аккуратно, в ряд, лежали... мелкие предметы.

Вещи, которые были ей до боли знакомы, которые, можно сказать, давно должны были быть выброшены на свалку памяти.

Фантик от конфеты, тщательно расправленный и заламинированный — от тех самых леденцов, что она любила в детстве. Однажды она специально бросила его на документы, которые только что читала Цзин Мяои, желая разозлить её, но та лишь молча подняла его. Гу Чуюй думала, что его давно выбросили.

Заколка с бледно-розовой жемчужиной, разбитая пополам — один из подарков Цзин Мяои на её тринадцатилетие. Тогда она в порыве гнева швырнула её об пол, и жемчужина отлетела. Теперь же заколка была склеена почти идеально, место разлома было едва заметно, а отлетевшая жемчужина была найдена и бережно возвращена на место.

Несколько скомканных листков для записок, которые она когда-то в сердцах выбросила — на них были её неуклюжие каракули, когда она училась писать, или детские жалобы в духе Сестра Мяои — дурочка. Теперь эти бумажные комочки были аккуратно развернуты и разглажены, будто страницы древних манускриптов.

Даже кусочек ленты от подарочной коробки, которую она отгрызла, когда ей было скучно...

Разрозненные, самые разные вещи.

Каждая из них была тем, что она когда-то не ценила или намеренно уничтожила.

Каждая хранила память о моменте её капризов и шалостей.

А теперь всё это здесь.

В секретном ящике стола Цзин Мяои.

Очищенное, отреставрированное, бережно сохраненное.

Словно редкие сокровища в музее, выставленные на черном бархате.

В голове у Гу Чуюй стало пусто.

Она оцепенело протянула руку и дрожащими пальцами коснулась склеенной заколки.

Работа выполнена настолько тонко, что без тщательного осмотра и не заметишь, что она когда-то была сломана.

Сколько же терпения и кропотливого труда потребовалось, чтобы восстановить её до такого состояния?

Она взяла разглаженный листок с кривой надписью Сестра Мяои — большая бяка.

Когда она писала это, то злилась, что та занята делами и не хочет с ней играть.

А теперь эта детская жалоба хранилась столь трепетно.

Что всё это...

Что всё это значит?

Абсурдная и ошеломляющая мысль, подобно удару грома, поразила её разум.

Неужели...

Неужели все эти годы все её выходки, всё, что она выбрасывала и ломала...

Цзин Мяои... молча подбирала?

Всё это... так бережно хранила?

Сердце словно сжала невидимая рука, а затем резко отпустила, забившись так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

Кровь прилила к голове, в ушах зазвенело, щеки неконтролируемо горели.

Она смотрела на эти ничтожные мелочи в ящике, словно видела глубоко скрытую, бездонную одержимость, прячущуюся за всегда холодным и невозмутимым взглядом Цзин Мяои.

Это не было просто снисхождением.

Это не была забота сестры о младшей.

Это было... почти болезненное, параноидальное...

Обладание и коллекционирование.

Она уничтожала старую картину — Цзин Мяои дарила ей целое звездное небо.

Она ходила на свидания с другими — Цзин Мяои каждый раз препятствовала этому, но тут же приносила то, что ей действительно было по душе.

Все её попытки сбежать или проверить границы были спокойно пресечены, а затем, более властно и безапелляционно, её возвращали в мир, принадлежащий только им двоим.

Гу Чуюй стояла с холодной заколкой в руке, не в силах пошевелиться.

Огромный шок и невыразимая смесь горечи, сладости, страха и внезапного прозрения захлестнули её, словно цунами.

Оказывается...

Оказывается, её случайные вещи были для кого-то столь ценны.

Оказывается, то, что она считала своими капризами и провокациями, в глазах другого человека, возможно, были лишь... моментами, достойными того, чтобы их сохранить.

В кабинете стояла пугающая тишина, слышался лишь её собственный бешеный пульс, который отдавался в ушах, как удары барабана.

Она смотрела на ящик, полный её черных страниц истории, словно видя безумное и настойчивое сердце, скрытое за ледяной маской Цзин Мяои.

Сестра Мяои...

Ты...

Что ты...

Что ты ко мне чувствуешь?

<http://bllate.org/book/20060/1983548>